

УЧЕТЬ СТАРШИНЫ.

(Картины народной жизни).

Давно уже шла молва по к-му уезду, что въ общественномъ супдукѣ барановскаго волостного правлениі творится неядное, будто бы растрочено болѣе тысячи рублей общественныхъ денегъ, и виновникомъ этой растраты молва называла мѣстного старшину Силкова. Но на видъ все состояло, какъ пельзя болѣе, благополучно: сельскіе старости за неизвѣстность числящейся за общественными недоимками выгнуждали опредѣление количества дней въ «казаматкѣ», т. е. арестантской, а старшина благодушествовала. Наловигъ, бывало, въ лѣтнее время рыбки и, поджаривъ, поѣдаетъ ее съ анетитомъ, поглаживая брюшко и запивая для пищеваренія винцомъ, потому — «рыба по суху не ходитъ», какъ совершилъ справедливо говорилъ онъ. Когда же нужно было «отвести душу», то трещали мужицкія скулы и ребра отъ его тяжеловеснаго кулака и никто ему, старшинѣ, перечить не смѣлъ и жаловаться не думалъ.

Но вотъ, наконецъ, такое положеніе вещей «прискучило» должно быть старостамъ, и двое изъ нихъ, сидя въ городской арестантской, взмы да и скажи кой кому, что у нихъ въ правлениі не совсѣмъ «чисто», что, пожалуй, и они то зря сидѣть здѣсь и т. п.

Вѣсти эти дошли и до высшаго въ уѣздѣ начальства, и волости предложено произвести тщательный учетъ общественныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи воинственнаго старшины.

И вотъ, въ одинъ сентябрьскій день 189.. года въ барановскомъ волостномъ правлениі собирается волостная сходка специальнно для учета старшины. Приходяща въ правлениі, хотя большая комната, но въ тотъ день буквально переполнена пародомъ — учетчиками, съ сельскими старостами во главѣ. Старости и трое специалистовъ изъ бывшхъ волостныхъ старшинъ приглашены старшапою въ «ало», а прочие усѣлись въ прихожей. Бывшіе старшины приглашены на сходку по той причинѣ, что они на опытѣ знаютъ, «гдѣ раки зимуютъ», и скорѣе прочихъ могутъ сыскать «прорѣхъ» въ общественномъ бумажникѣ.

Шла оживленная бесѣда между находящимися въ прихожей, по говорили всѣ тихо, дабы не помѣшать счетчикамъ — старостамъ и специалистамъ изъ старшинъ, — провѣряющимъ въ «залѣ» приходорасходыя книги.

— Что тутъ толковать: пытъ-ѣсть чего душа изволить, катается на парѣ, одѣвается такъ чисто, что муха не уснитъ на одѣждѣ-то, — ну какъ тутъ не быть растратѣ? Вѣдь жалованье-то ему (старшинѣ) не тысяча, а полтораста рублей только. . говоритъ Гришуха Краснобаевъ, молодой крестьянинъ изъ дер. Задерих.

— Это и каждый, Гришуха, знаетъ, да вотъ какъ улучитъ-то его — хитрѣй болѣе, вывернется опять, тогда бѣда будетъ тому, кто, примѣрио, насустроитъ его скажетъ теперь... Ты изыѣкъ-то позадержи, парень! — унимаетъ Гришуху дядя Петръ, крестьянинъ лѣтъ 60, изъ с. Барановскаго.

— А мѣшай наплевать! Что онъ можетъ со мной сдѣлать? подать у меня заплачена, да и не драчунъ я...

— Такъ-то ешо такъ, да коли вздумаетъ, такъ и безъ вины будешь виноватой, вотъ что, парень!.. Хотя начальство-то и приказываетъ сдѣлать учетъ, а кто его знаетъ, что у него на умѣ то!.. Я и кое-что видѣлъ, какъ урядникъ у того же старшины пытъ чай, да и стаконой и прочие къ нему ласковы..

— Да что урядникъ, или становой, пайдемъ и выше, лишь счетчики нашли бы растрату видицу, а я первый закричу, что подъ судъ надо отдать!.. Ты

развѣ забылъ, какъ онъ съ насы грѣшилъ выколачивается? Скажи-ко ему, что денегъ неѣть, обожди, такъ сейчасъ въ ухо дастъ; «бюрохъ скажеть, распорю, да найду; взыщу!» Послѣднюю коровенку уведеть за рога, послѣднее зерно хлѣба воими руками, бывало, выгребать изъ твоего сусѣка, хоть съ голоду со всей семьей помирай ему наплевать, еще помѣшается надѣй тобой, скажеть: «панеки завтра шанегъ (алашекъ), въ гости приду!.. Денька передохнуть не дастъ, а тутъ-на ко: расгратильтъ, прошиль да прогуляль паши-то кровныя!.. А какове они намъ достаются-то?..

— Конечно, не легко достается нашему брату каждиная копѣйка, а отъ его, старшины, понады ужъ не жди, да слышно, что одинъ и тѣ же деньги получаетъ по пѣскоѣльку разъ, и это сказываются, по только надо до всего добраться толкомъ, чтобы законно было и вѣѣмъ, примѣрно, подписатьсь, не робѣть, а вѣдь у насть самъ знаешь, кто куда, ну, одинъ то выскочишь, сдѣлается не по твоему, вотъ и ирониалъ!.. продолжаетъ урезонивать дядя Петръ.

По вотъ говорѣ становите шумиѣ и наши собесѣдники замолчали, стали прислушиваться.

— А гдѣ же у тебя, Василій Александровичъ (такъ звали Силкова), тѣ деньги, что были собраны въ прошломъ году на пожарную трубу? Поминтай, сто рублей было собрано, а труба не куплена, и въ книгахъ обѣ этихъ деньгахъ никогда не упомянуто... — доносится слова бывшаго старшины Ерофеева.

— Пожарные деньги?.. Ахъ, да, они при мнѣ... Нѣть, впрочемъ, я издержалъ... залепетѣлъ Силковъ, неожиданно уличенный счетчикомъ.

— Какъ издержалъ? на что?.. вѣдь деѣги были собраны на трубу и тѣѣ переданы съ тѣмъ, чтобы ты немедленно отослали ихъ въ земство, которое

оть себя обѣщало дать 200 р. на это дѣло...

— Деньги эти я перерасходовалъ на постройку дома подъ правлениѳ: на конопатку да на тесь,—возражаетъ старшина, оправившись отъ неожиданности.

— На то дѣло особо собраны были 300 руб., какіе тутъ перерасходы? Докажи, коли перерасходовалъ! заговорили и старосты.

— Что жъ, нужно, таѣ и докажу завтра, а сегодня неѣжать же мнѣ домой за счетами.

— Ну, хорошо, это пока оставимъ, говорить Ерофеевъ.—Теперь вотъ объясни намъ, куда дѣлся общественный капиталъ, 500 руб.—тоже перерасходована куда нибудь?

— Обѣ этихъ деньгахъ надо помолчать; тихо отвѣчаетъ ему старшина,--завтра я скажу и объ нихъ... Чайку-то изжалуйте выкушать, дѣло не волкъ,—вѣдь лѣсъ не убѣжитъ; я не шаромыжникъ какой нибудь, все деньги найдутся, не безнокойтесь,—говорить Силковъ, суетясь около самовара, шумѣвшаго и свистѣвшаго на всѣ лады. Эй, сторожъ! схондико за крецелями въ лавочку да прихвати бутылочку сливочекъ сть бѣшеной коровы, понимаешь?..

— Сию минуту! отвѣчаетъ сторожъ, особенно живо всекакивая съ печки.

Въ толпѣ учетчиковъ, что находились въ прихожей, заговорили, и говоръ становился все сильнѣе и сильнѣе. Начали подозрѣвать и своихъ грамотѣсъ, какъ бы они не вошли въ сѣльку со старшиной, видя, что послѣдний собирается угощать ихъ. Когда же сторожъ вернулся съ крецелями и водкой, то Гришуха Краснобаевъ пришелъ въ негодование.

— Что тамъ сегодня за праздникъ? Мы сидимъ цѣлый день голедные, а тамъ водочку пошиваютъ, іуды! Ань міръ хотите продать, такъ мы найдемъ судь и выше, тогда и самимъ достанетъ... Кто растратилъ наши кровныя, отъ

того стыдно и грѣшно принимать угощеніе; а подъ судъ, въ Сибирь того падо! крикнулъ онъ.

Вдругъ дверь отворяется и выходитъ старшина, побагровѣвшій отъ злости.

— Это кто кричать здѣсь?.. грозно спросилъ онъ.

Всѣ стали втунникъ, не зная, что дѣлать: выдавать или неѣтъ товарища.

— Говорите: кто меня въ Сибирь назначилъ? чтобы сейчасъ было сказано, иначе всѣхъ пересажу въ казаматку, мерзавцевъ!

— Гринуха Краснобаевъ! сказалъ сторожъ.

— Ахъ, ты, мерзавецъ! накинулъся онъ на Гришууху.—Такъ ты меня ужъ въ Сибирь назначилъ безъ суда и слѣдствія?.. Сибирь-то, подлецъ, далеко, а у насъ есть поближе мѣстечко... Сторожъ! отведи-ка его въ казаматку, скажи опять и ушелъ опять въ «зало», сильное хлоннувшій дверью.

Арестомъ Гришухи толпа была ошемломлена. Въ прихожей водворилась гробовая тишина, одна изъ тѣхъ зловѣщихъ, какія бывають передъ бурей. Учетчики мало по-малу стали перешептываться между собою о несправедливости ареста Гришухи, наводещи и вслухъ начали говорить: «выпустимъ, ребята, Гришуху!» Вотъ одинъ изъ нихъ, заглянувшій въ «зало», прямо заявилъ:

— Выпусти, старшина, Гришуху, не то сами силой выпустимъ, все рѣшили такъ!..

— Ахъ, вы мерзавцы! да какъ вы смѣете вмѣшиваться въ мое дѣло, да я вѣдь тутъ туда запру! закричалъ тотъ, высокочивши изъ «зала».

— Стой, старшина! останавливается его дядя Петръ, выпрямившись во весь ростъ,--всѣхъ не запрешь—не вѣзьмъ. Мы мерзавцами-то еще не бывали, да и тебѣ не дай Богъ оказаться таковыми... А ты не противься міру: рѣшили выпустить, такъ и выпусти Краснобаева, но-

слѣдъ схода дѣлай съ нимъ, что хочешь, на то законъ есть, коли виновенъ онъ, то осудять, а теперь... Хуже будетъ, коли силой выпустимъ, дойдетъ до начальства, и пойдутъ спросы (да разспросы...) Можетъ самъ виноватъ не окажешься, потому мерзавцами-то не слѣдъ и тебѣ называть насъ...

Силковъ стоялъ блѣдный, что полотно, не зная, что дѣлать. На шумъ вышли изъ «зала» и счетчики со старостами и, будучи подхмелъкомъ, смѣло начали говорить міру, т. е. остальнымъ выборнымъ учетчикамъ, что старшина дѣйствительно учинилъ растрату.

— Это уже извѣстно, что 700 руб. значить не хватаетъ у него, а можетъ быть и больше окажется!.. сказалъ Ерофеевъ.

Въ прихожей раздается крикъ: «пишите приговоръ о растратѣ, къ суду его!» Старшина видѣть, что дѣло дрянь, чего доброго побьютъ еще учетчики, озлобленные съ одной стороны арестомъ Гришухи, а съ другой—растратою изъ кровныхъ денегъ, понялъ, что угрозою тутъ ничего не подѣлаешь, а потому сказалъ:

— Ну пусть будетъ по вашему... Сторожъ! выпусти Краснобаева.. А теперь и вы сѣдѣлайте по-моему, обратился онъ къ сходу: идитъ до завтра по домамъ, завтра же я дамъ вамъ полный во всемъ отчетъ... И не шаромыжникъ какой-нибудь, прости Господи!.. Мнѣ вашей копѣйки не надо...

— Ну, хорошо, коли такъ... До завтра одна ночь --подождемъ, да и проголосились къ тому же, пора и закусить, сказалъ дядя Петръ, съ чѣмъ согласились и остальные, и разошлись по «фarterамъ».

(Продолженіе будетъ)

УЧЕТЬ СТАРШИНЫ.

(Картины народной жизни).

(Окончание *).

II.

Эту беспокойную ночь Силковъ не спалъ, да и какъ было уснуть ему, когда неотвязчивая мысль о преданіи суду какъ камень давила его.

Въ продолженіи ночи онъ то къ одному учетчику сбѣгаетъ, то къ другому изъ болѣе влиятельныхъ и, разбудивши, потолкують съ ними, умоляя, чутъ не со слезами на глазахъ (благо, никто такого униженія не видитъ!), не подпisyвать приговора о растратѣ и обѣщае покрыть въ недалекомъ будущемъ; въ то же время обѣщаетъ и лично упрашиваемому сдѣлать всякое добро и милости.

— Ты ужъ молчи завтра, дядя Петръ, а остальныхъ-то я уговорю, тебя же за это я вѣкъ не забуду!.. Правда, я когда то обидѣлъ тебя.. Помнишь, на счетъ крутицкой-то пожни?.. Кабы я тогда грѣха на душу не взялъ, и все еще была бы твоя... Да что подѣлаешь: кто Богу не грѣшитъ, Царю не виноватъ?.. Ты прости меня, ради Бога! — умолялъ онъ Петра, вызвавши за сарай «на пару словъ».

— Я зла не помню, Богъ съ тобой, и сердиться на тебя за то не сержусь и не буду, но и грѣшить противъ присяги и совѣсти тоже не буду, Василій Александрыч! — отвѣчаетъ категорически Петръ и отправляется въ избу.

— Коли такъ, то знай же, старый

хрѣнъ, что и ты попадешься когданибудь ко мнѣ въ руки, тогда ющады ужъ не жди! — крикнулъ ему старшина и пошелъ домой, «не солоно хлѣбавши».

Но не всѣ учетчики отнеслись къ просѣбѣ старшины такъ, какъ дядя Петръ; многие обѣщали ему, въ надеждѣ получить на будущее время разныя милости, свое содѣйствіе или въ крайнемъ случаѣ молчавіе при вторичномъ учетѣ.

На утро, чутъ только показался свѣтъ, учетчики опять собрались въ волостное правленіе и начали «считать»... Но считать, оказалось, нечего—все было вчера еще сосчитано и итоги были вѣры. Теперь вопросъ являлся лишь о томъ, принимать ли во вниманіе заявление старшины, что собранная имъ деньги на пожарную трубу израсходованы на постройку зданія подъ нравленіе? Поднялся общій говоръ, скоро перешедшій въ крикъ. Одни кричали, что надо принять первоначальную (это тѣ, на которыхъ ночное посѣщеніе старшины подѣйствовало), другие же утверждали, что не слѣдуетъ и въ числѣ послѣднихъ находились очевидцы расчета старшины съ конопатчикомъ, которые увѣряли, что старшина выдалъ ему именно столько, сколько и было ассигновано на этотъ предметъ,—а не больше, въ удостовѣреніе своихъ словъ требовали позвать конопатчика на-лицо.

Долго спорили межъ собой наши учетчики, вплоть до вечера, а дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ; не было единогласія, а безъ того старшина не позволяла писать приговора и самую книгу приговоровъ заперъ въ шкафъ.

— Что, братцы, спустя намъ ругать другъ друга, позовемъ конопатчика, тогда и узнаемъ, а пока ходить за нимъ—оставимъ этотъ вопросъ. А вотъ теперь скажи,

Василій Александрычъ, на счетъ 500 р. общественнаго капитала, куда, значитъ, они ухнули? рѣшаетъ Петръ.

— Прѣйтъ да ироницъ, брюхатой! крикнулъ Краснобаевъ.—«Я простого-ста не пью, хереску».. говорить, бывало,— иронизируетъ, не унимаясь, Гришуха.

Но Силковъ теперь какъ бы и не слышитъ оскорблений, сыплющихся на его голову, а отвѣчаетъ Петру:

— Тѣ деньги у меня въ недоимкѣ...

— Тогда покажи за кѣмъ именно? здѣсь всѣ старости на-лицо и каждый про себя и про своихъ общественныхъ знаетъ.

— Да вотъ федоровской староста первый и не заплатилъ 50-ти руб. на содержаніе волостного правленія.

— А почему я не заплатилъ? развѣ не потому, что ты у меня взялъ 100 р. податей еще въ мартѣ, но и до сихъ поръ не внесъ ихъ въ казначейство? ты растратилъ ихъ, а за мною числится недоимка и начальство требуетъ денегъ, а съ кого я теперь буду взыскивать, коли недоимщикъ-то вовсе и нѣтъ?.. Внеси сначала самъ тѣ деньги въ казначейство, тогда у меня тебѣ 50 р. давно готовы,—говорить староста федоровскаго общества, а въ доказательство словъ показываетъ схода подлинную расписку старшины.

Поднялся еще больший крикъ, всѣ убѣдились воочію, что Силковъ растратилъ не только общественный капиталъ, но даже и податями не брезгуетъ.

— По твоему, федоровской староста долженъ тебѣ 50 руб., да и то не правдой оказывается; ну, а еще-то кто не-доимщики? спрашиваетъ старшину Ерофеевъ.

*) См. № 240.

Силковъ молчигъ, какъ бы не слыша вопроса.

Видя сильковцы, что дѣло ихъ патрона дрянь, перестали защищать, замолчали, а нѣкоторые перешли въ обвинители и прямо вмѣстѣ съ прочими стали настойчиво требовать книгу приговоровъ.

— Падо писать приговоръ, что зря и время тянуть—ясно, что деньги растратаены! говорить кто то громко въ толпѣ.— Барановцамъ еще туда-сюда, продолжаетъ тотъ же голосъ, а намъ вотъ хоть съ голоду помирай: домой идти далеко, а денегъ съ собой не взяли... Хорошо, у кого родня есть здѣсь—покормятъ, а я вчера всю ночь не спалъ, потому—голоденъ, «кишка кишѣ кукишь сулить», тутъ не до сна!...

— Книгу, книгу подавай сюда, старшина! закричали и остальные, вошедши въ зало.

Видѣть Сильковъ, что ему не устоять, придется уступить требованію схода, а иначе, пожалуй, побьютъ и самого, вытащили изъ кармана ключъ отъ шкафа и подаль одному изъ старостъ, сказавши: «берите хоть всѣ!..»

Приговоръ былъ написанъ и подписанъ старостами, и слово «растрата» какъ ножемъ колющо старшинское сердце, когда приговоръ прочли вслухъ остальнымъ участникамъ схода. Однако, подписать къ приговору всѣмъ не удалось; произошло нѣчто необычное. Въ то время, когда какой-то «десидворный» только-что хотѣлъ было расчеркнуться на приговорѣ, подходитъ къ старшинѣ сторожъ и что-то шепчетъ ему на ухо. Старшина вскакиваетъ со стула, схватываетъ изъ рукъ десидворного книгу и убѣгаєтъ съ ней.

Учетчики всѣ поражены неожидан-

ностью... встали, не зная, что и дѣлать...

— Что-же это такое!.. Куда его лѣшний попесь съ книгой-то? говоритъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, Гречуха Краснобаевъ, по ему никто не отвѣтчаетъ, ибо и всѣ стояли съ такимъ-же вопросомъ на устахъ...

Спрашиваются сторожа: что онъ такое сказалъ старшинѣ, по тотъ молчить, наконецъ сказалъ, что на станцію прѣхалъ «земскій» и старшина павѣрено къ нему уѣждалъ.

— Эво! изба-то задрожала, побѣгъ, должно, ябедничать! воскликнулъ Гречуха.

— А что, братцы, и намъ теперь дѣлать здѣсь нечего, пойдемте и мы за нимъ, узпаемъ, примѣрно, что онъ буде говорить земскому, да и мы все дѣло обскажемъ... сказалъ дядя Петръ.

— Что жъ, пойдемте!—сказали и другіе, и отправились на станцію, благо она была черезъ два дома отъ правлениія.

Содержатель станціи, однако, не допустилъ ихъ, сказавши, что земскій синть, съ дороги «устамши», «заутра ужъ приходите»...

Дѣлать было нечего, опять разошлись члены барановскаго муниципалитета, кто домой, кто на «фатеру».

На слѣдующее утро, собравшись въ волостномъ правлениі, горемычные учетчики прежде всего послали за старшиной, но сторожъ, вернувшись, сказалъ имъ, что старшины нѣтъ дома. Какъ молния блеснула у всѣхъ мысль, что онъ опять у земскаго начальника.

— Видно, не все вчера успѣль пересказать, а може за ночь-то новую ябеду придумашъ! сказалъ кто-то.

Отправляются снова на станцію и за-

стаютъ тамъ старшину въ прихожей, очевидно онъ уже «выналилъ» все, «разрядился» отъ ябедъ и теперь ждатъ, не будетъ ли какихъ-нибудь «приказаний».

II.

Земскій начальникъ встрѣтилъ учетчиkovъ довольно ходко, и тѣ поняли, что старшина успѣль паговорить про нихъ, Богъ знаетъ что, — струсили, а когда онъ стала упрекать ихъ въ неблаговидности поступка относительно освобожденія Гречухи изъ-подъ ареста, да еще съ угрозою «свернуть старшинѣ шею», то и совсѣмъ пали духомъ и ни слова не могли сказать въ свое оправданіе. Много и долго говорила земскій начальникъ и въ заключеніе сказала еще:

— Затѣмъ, вотъ старшина говорила мнѣ, что нѣкоторые изъ васъ позволяютъ себѣ говорить и даже кричать, что старшина подкупила все начальство, въ томъ числѣ и меня... А за подобную клевету знаете, что васъ можетъ ожидать?..

— Не вѣрьте ему, старшинѣ-то, ваше благородіе, вѣрьте все! говорить дядя Петръ.—Какъ можно про начальство говорить намъ такие нустики, вѣдь мы не о двухъ головахъ...

— Какъ вру?—прерываетъ его старшина,—не ты ли во все горло кричалъ, что «кто это знаетъ начальство-то» или: «може старшина вмѣстѣ съ начальствомъ растратилъ деньги-то, аль взаймы отдалъ безъ отдачи...» Это ты не говорилъ, что-ли? — говорить Сильковъ съ такой нахальной самоувѣренностью, какъ будто онъ и заправду слышалъ эти слова.

— Побойся Бога-то, Василій Александрычъ, вѣдь вратъ грѣшио! Аль и помирать не думаешь?.. — началь было

оправдываться дядя Петръ, но въ толи онять поднялся крикъ: «не вѣрте, ваше благородие, старшина-то, дядя Петру вѣрьте!.. старшина вреть все!» Но такъ какъ кричали вѣвъ вдругъ, никто никого не слушалъ, и толкомъ не выяснялъ дѣла, то, понятно, земскому начальнику надоѣло все это слушать: опять поспѣшило сѣсть на приготовленную тройку и уѣхалъ, поѣзжавъ вскорѣ прѣхать вновь и разобрать ихъ дѣла, а до этого приказать приготовить учетный приговоръ, да «толковѣ...»

Почесали свои затылки наши учетчики и поспѣли онять въ волостное правление, теперь уже вмѣстѣ со старшиной, которому, по словамъ содержателя станціи, земскій начальникъ строго запретилъ дѣлать подобныхъ «безобразій», какъ пасынственное отображеніе изъ рукъ учетчиковъ книги.

Но хотя это было до очевидности странно, дико, даже просто необъяснимо, однако чѣмъ болѣе думали учетчики, иди въ правление, о словахъ земскаго начальника, тѣмъ болѣе укрѣплялась въ головахъ ихъ мысль: и на самомъ дѣлѣ не дадутъ старшина ему взаймы часть нашихъ-то денегъ, а теперь, не получивши съ него, поневолѣ оказалась растрата?..

Мало по-малу они и заговорили потихоньку объ этомъ межъ собою, что не ускользнуло отъ опытныхъ глазъ и ушей Силкова, и, само собою разумѣется, чрезвычайно его обрадовало.

Паконецъ опять самъ, иди дорогою, началь кой-кому закидывать «двухемысленныя» словечки, дабы еще больше укрепить учетчиковъ въ этомъ убѣждѣніи. Опять знать, что разъ увѣряться въ этомъ, то изъ нихъ тогда «хоть веревки вѣй», потому что съ одной стороны будуть бо-

яться, что съ нимъ, Силковымъ, ничего не подѣлаешь, ибо начальство, подумають, за него «городъ стоять», что тутъ «дѣло не чисто» и т. и., а съ другой стороны одѣлѣваемые голодомъ должны будутъ спѣшить окончаніемъ дѣла. Понявши это, у Силкова отлегло, что называется, отъ сердца... И опять не ошибся.

IV.

По приходѣ въ волостное правление старшина стала уже требовать отъ учетчиковъ, чтобы пожарные деньги были записаны въ счетъ перерасхода по постройкѣ дома для правления, а если они по прежнему желаютъ приобрѣсть пожарную трубу, то деньги слѣдуетъ собрать вновь.

— Да и на кой чортъ вамъ эта труба далаась? По моему, такъ и не нужно совсѣмъ ея! говорить опять. Но же Богъ хранитъ, а ужъ когда случится пожарь, то все равно и трубою не потушишь его: домъ у насъ большіе, деревянные, шу, что тутъ подѣлаешь трубочкой? и не покступишися...

— Оно такъ, то такъ, на все воля Божья, да все же и труба лишней не была бы? И то сказать: и денегъ жалко, потому—вспомни, Василий Александровичъ, съ какимъ трудомъ тогда, во времена сѣнокоса, собирали эти деньги? говорить единъ изъ старостъ. Вѣдь ты же тогда съ начальствомъ и выдумали это...

— Какъ хотите... Желаете имѣть трубу—собирайте деньги вновь, а эти, что были собраны, я издержалъ на копопатку, и должны это признать, а не то—еще три дни продержу здѣсь; не вынужу изъ правленія, вотъ вамъ и вся сказъ! отрѣзалъ старшина и пошелъ въ «залъ»,

гдѣ ждалъ его ныхтѣвший самоваръ, обдавая комнату паромъ.

— Какъ продержишь три дня? на какомъ основаніи?.. Что памъ съ голоду скажешь здѣсь, что ли?.. кричать вдогонку ему Гринчука Краснобаевъ.

— Ты опять—кричать? сказалъ старшина, выглянувши изъ дверей,—аль забыть, что говорилъ вамъ земскій?.. Сторожъ! Задри его въ казаматку... Посмотримъ теперь, кто осмѣлится мнѣ прѣятствовать?.. Пусть подѣбуютъ вынуть... ха! ха! притворно захохоталъ опять.

На толину учетчиковъ невольно напала робость, и они, не зная, что дѣлать, притихли, сжались...

Съ одной стороны учетчикамъ ужасно не хотѣлось принять эти 100 руб. на счетъ перераѣхда, котораго не было въ дѣйствительности, съ другой—перспектива сидѣть здѣсь еще цѣлыхъ три дня, какъ грозили старшина, была тоже не изъ привлекательныхъ. «Развѣ уйти такъ, ничего не сдѣлавши?» думалъ они и выражаясь, паконецъ, вслухъ это.

— А начальство что скажетъ тогда памъ за это? говорилъ дядя Петръ.

Опять не ладно. Всѣ знали, что начальствомъ было приказано произвести учетъ «но возможности въ скорѣйшемъ времени», и не исполнить этого было бы сочтено съ ихъ стороны, пожалуй, за укрывательство.

Долго сидѣли учетчики въ нерѣшительности, а старшина, зная, испивавъ чаекъ, подливая въ него свой любимиya «сливочки». Наконецъ согласились принять и 100 руб. на счетъ волости, записавъ ихъ въ перерасходъ.

— Такъ ужъ и быть, принимаемъ, значитъ, пожарные деньги,—говорить

старости,—только пожалуйста отпускай, Василий Александрычъ, вѣсъ скорѣй до-
мой, не помиратъ же здѣсь съ голоду, въ сам-дѣлѣ!...

— Ну, вотъ, давио-бы таѣ! весело проговорилъ старшина, вытащивъ изъ шкафа книгу приговоръ...—Миркомъ да ладкомъ куда сподручнѣе, а то ужъ прямо—«въ Сибирь»... Эхъ, вы! Сибирь-
то далеко, а я-то тутъ и есть,—смѣется старшина. Ишите приговоръ, продолжаетъ онъ, да ии слова не упоминайте о растратѣ, такъ я сейчасъ ведерко винца поставлю, ну, а на закуску кренделей пудинко... Вамъ все равно вѣдь: деньги за мною не пропадутъ, и не шаромыжникъ какой-нибудь, прости, Господи!... Помаленьку все заплачу... Такъ, что ли?

— Нѣть, Василий Александрычъ, отвѣчаешь ему дядя Петръ,—такъ дѣлать не годится—грѣшно и стыдно!.. Мы тоже приему признакомъ, самъ знаешь... Конечно, лучше миркомъ да ладкомъ по-
кончить дѣло, да сдѣлать-то это надо тоѣково. Ты вотъ внеси въ обществен-
ную кассу 500 руб., тогда мы и под-
пишемъ приговоръ, а продать свою душу за водку, да крендели, примѣрио, мы на-
то не согласны!...

— Не согласны, тогда и книги не
дамъ, вотъ вамъ и все, жалуйтесь! ска-
дашъ Силковъ, бросая книгу въ шкафъ.

Учетчики снова заспорили и раздѣли-
лись на двѣ партіи, одни—силковцы—
требовали, чтобы въ приговоръ слово «растрата», какъ неблагозвучное, не
упоминать; «къ тому-же, говорили они,
старшина обѣщаетъ со временемъ за-
платить деньги». Другие-же — петру-
хинцы — напротивъ того, испрѣмѣни-
настивали па томтъ, чтобъ «нефальп-
ить», дѣлать по совѣсти; «коли конѣй-

ки пѣтъ, говорили они, то нечего моро-
чить*) и міръ, что деньги оказались на
лицо, а прямо и писать чадо, что рас-
тращены»...

— Все равно, говорить дядя Петръ,
послѣ да окажется эта растрата, потому
—не уплатить ему такую сумму, если
прожилъ... Може послѣ-то вдвое больше
этого еще растратить, тогда что скажутъ
намъ сосѣди-то да и начальство не по-
хвалитъ!..

Къ сожалѣнію, партія петрухинцевъ все
болѣе и болѣе рѣдѣла, большинство ока-
зывалось теперь уже за Силкова, благо
тотъ обѣщаетъ и водочкой угостить.

— Три дня и безъ того уже сидимъ
здѣсь, да еще три дня голодать?—пѣтъ
ужъ лучше сдѣлать по старшинову! го-
ворить теперь и староста федоровска-
го общества, забывши обиду.

— Такъ! вѣрно! раздается чай-то го-
лость.—Да и то сказать: зачѣмъ обижать
человѣка, може и вправду заплатить со-
временемъ?..

Такимъ образомъ сходъ порѣшилъ: ста-
рый приговоръ «зачеркнуть», написать
новый, не упоминая слова «растрата».

Подпиавши новый приговоръ, учетчи-
ки стали расходиться по домамъ съ тя-
желымъ чувствомъ виноватаго человѣка,
и даже выпитая водочка не могла раз-
веселить ихъ... Изъ всего схода только
два человѣка — дядя Петръ и Гриппуха
Краснобаевъ—не подписали приговора,
за то и совѣсть не беспокоила ихъ. Од-
нако только могло ихъ беспокоить,
это месть Силкова, но, твердо вѣри на-
родной своей пословицѣ: «Богъ не вы-
дастъ,—свинья не сѣсть», и мести не

страшились они

— А чуть-чуть не проналъ я! сказ-
алъ старшина своему писарю, проводивши
учетчиковъ.—Еще съ полчаса вре-
мени прошло бы, не прѣѣзжай земскій
начальникъ, всѣ подпишались бы къ ста-
рому приговору, тогда бѣда мѣѣ... Спа-
сибо, во-время прїѣхалъ... Я сказалъ
ему, что «бунтуютъ», выломили двери въ
арестантской и сплошь выпустили заклю-
ченшаго, и чего только я не наговорилъ!..
Онъ повѣрилъ и осерчалъ па ихъ, а ког-
да пришли, какъ началь «сердито» пхъ
спрашивать, они оробѣли, думая, что онъ
за меня горой стоитъ, ничего путнаго то
и не рассказали... ха! ха! ха!.. радо-
вался Силковъ, чокаясь съ писаремъ.—А
ловко же я провель ихъ... Завтра надо
дѣлать «разрубъ» податей, а тамъ сби-
рать, дешегъ, значить, у насъ много буд-
етъ... Милости просимъ тогда и началь-
ство повѣрять кассу—вложимъ авурат-
пѣйшимъ манеромъ въ сундукъ изъ по-
датей эти пятьсотъ, а подати исправникъ
будетъ повѣрять—изъ сундука возьмемъ...
Изволи-ко пасъ! ха! ха!..

— А что, Михѣичъ!, запесъ было
Силковъ, но остановился, понявъ, что
слинкомъ далеко зашелъ въ свой от-
кровенности. А хотѣль онъ сказать вотъ
что: новый-то домъ подъ правленіе го-
товъ, стоять па-отставѣ отъ села, пере-
браться развѣ туда, да запасшись ты-
ченкой или двумя податныхъ денегъ,—
незвѣдѣли пѣтуха подиустить?.. Но не
сказать ничего, а набожно перекрестилъ-
ся, устрашась и самъ своей мысли...

А. Ш.

*) Морочить—обманывать.